

Е. В. Маслий

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

Русский «интеллигентский» дискурс в его отношении к юродству

Маслий О. В. Російський «інтелігентський» дискурс у його відношенні до юродства. У статті співвідносяться «інтелігентський» та «юродський» дискурси, що являють собою форми інтелігентного та інтелектуального критицизму, орієнтованого на Бога-Совість. На підставі близькості свідомості російського інтелігента та юродивого як соціальних типів обґрунтовується співприродність дискурсів, що розглядаються.

Ключові слова: *концепт, юродство, юродивий, інтелігент, дискурс.*

Маслий Е. В. Русский «интеллигентский» дискурс в его отношении к юродству. В статье соотносятся «интеллигентский» и «юродский» дискурсы, представляющие собой формы интеллигентного и интеллектуального критицизма, ориентированного на Бога-Совість. На основании близости сознания русского интеллигента и юродивого как социальных типов обосновывается соприродность рассматриваемых дискурсов.

Ключевые слова: *концепт, юродство, юродивый, интеллигент, дискурс.*

Masliy E. V. Russian «intellectual» discourse in its attitude towards yurodstvo. «Intellectual» and «yurodskiy» discourses which are the forms of the intelligent and intellectual criticism that is oriented to the God-Conscience are correlated in the article. On the basis of similarity of the consciousness of Russian intellectual person and yurodivy person as social types the conformity of abovementioned discourses is being substantiated.

Key words: *concept, yurodstvo, yurodivy, intellectual person, discourse.*

Анализ текстового материала, реализующего концептуальные смыслы юродства, продемонстрировал, что осмысление феномена юродства (Ю) связано с разными типами сознания. Подобная взаимосвязь отражается в определении дискурса, предстающем как «текстуальное выражение языка, в котором особым образом трансформируются его всеобщие и необходимые свойства, а также особенности контекста, в котором употребляется данное выражение <...> воплощаются разнообразные признаки мироощущения, мировоззрения, переживаний

и жизненных интенций личности» [11]. При таком понимании многообразие типов сознания, осмысляющих тот или иной феномен, предопределяет вариативность дискурсивных проекций того или иного концепта (К), а тип дискурса в процедуре концептуального анализа оказывается значимым, поскольку обуславливает смысловую доминанту сложного ментального образования. Следовательно, полнота концептуального анализа обеспечивается рассмотрением тех дискурсов, в которых реализуется концепт.

В отношении концепта юродство (КЮ) обращает на себя внимание смена дискурсивных доминант. Возникшее на Руси как религиозное явление в XI–XIV вв. Ю осмысляется в житийных, а затем фольклорных текстах, которые в это время являются основными формами существования культурной памяти. На современном этапе развития культуры Ю в традиционном или модифицированном виде осмыляется в пространстве религиозного, научного, художественного, Интернет-, публицистического и обыденного дискурсов. Предложенная типология основывается на особенностях сфер бытования КЮ и не претендует на универсальность. Главной задачей этой статьи является обоснование близости сознания русского интеллигента и юродивого как социальных типов. Цель заключается в демонстрации соприродности «юродского» и «интеллигентского» дискурсов. В научной литературе эта проблема не освещалась.

При всем многообразии дискурсивных проекций КЮ выявляются дополнительные характеристики, позволяющие связать его с условно определяемым «интеллигентским» дискурсом. Речь идет о типе сознания, воплощенном в тексте. Причем в данном случае текст понимается как в традиционном смысле (графически оформленный текст, законченное произведение, ограниченное рамками первого и последнего слова), так и в самом широком, семиотическом, постмодернистском и синергетическом – как любое проявление окружающей нас действительности (см. работы Ю. М. Лотмана, Ю. Кристевой, И. Пригожина, А. А. Брудного и др.) (подробнее см. [8]). При такой интерпретации каждое проявление человека – в речи, жесте, поступке – приобретает значимость семантического и структурного элемента текста особого рода – своеобразного сценария жизни.

Согласно определению, интеллигент (<лат. сведущий, понимающий, знающий>) – «человек глубокой внутренней культуры и самостоятельного мышления» [3:307]. Известно, что «в русском языке и в русской культуре *интеллигенция* утверждается как особое слово и концепт в нач. 60-х гг. XIX в.» [10:689]. Уникальность номинации «русская интеллигенция» заключается, по мнению Ю. С. Степанова, в том, что «класс назван как “самосознающий”» [10:689]. При этом само понятие интеллигентности наделено неоднозначными смыслами.

Нетрудно объяснить, каким образом в советское время формировался отрицательный оценочный императив по отношению к чуждым для него ценностям (интеллигенция, юродство). Советская языковая политика формировала при по-

мощи ряда продуманных мер определенный модус общественного сознания, меняя при необходимости аксиологическую модальность понятий, реалий, лиц и т. п. При мощном идеологическом воздействии на язык оценочная модальность базировалась не на традиционных и общих представлениях о мире (таких как добро и зло, свет и тьма, жизнь и смерть и под.), а на знаниях и истинах, навязанных, внушенных и пропагандируемых в обществе [9]. Религиозный характер феномена юродства и его изначальная амбивалентность, социальная чуждость интеллигенции рабочим и крестьянам облегчала советским идеологам эту задачу. Очевидно, что в современном употреблении слова юродивый и интеллигент также имеют отрицательные коннотации.

В попытке воссоздать феноменальность смыслов, связанных с концептом интеллигенция, сошлемся на размышления А. Ф. Лосева.

Интеллигент тот, кто блюдет интересы общечеловеческого благоденствия», личность, вооруженная идеологией, которая направлена на активное переделывание действительности («естественное чувство жизненных несовершенств и инстинктивное к ним отвращение»). Кроме того, интеллигента характеризует внутренняя культура, простота, «не просто вооруженность, но и готовность вступить в бой», умение ориентироваться в общественно-исторической обстановке, готовность забывать насущные потребности эгоистического существования, ежедневное и ежечасное несение подвига [4:315–322].

В основании сближения «интеллигентского» и «юродского» сознания, поведения, мироощущения лежит их глубинная общность. Как известно, юродство – сложное, парадоксальное явление религиозной жизни Древней Руси, «сверхзаконный», не предусмотренный иноческими уставами подвиг христианского благочестия. Пассивная сторона юродства, обращенная «на себя», проявлялась в умерщвлении плоти, аскетическом самоуничтожении. Образ безумца, принятый добровольно, позволял выполнять юродивому его главную обязанность – «ругаться миру», т. е. жить в миру, обличая пороки сильных и слабых, не обращая внимания на общественные приличия, преследуя при этом исполнение своей главной цели – возвращение заблудших на путь спасения. Основанием и оправданием этого подвига служили слова апостола Павла: «Мы безумны Христа ради» (I Кор. 4, с. 10)¹. Как отмечает М. Эпштейн, «грязь, кос-

¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами [перепечатано с Синодального издания]. –

ноязычие, непотребные слова, безобразное поведение и внешность» юродивого «служат «подобающим несоответствием» божественным вещам» [13]. В развитие этой темы К. Исупов вводит понятие «духовного юродства», имея в виду «не внешнюю (экстремальную и надчеловеческую) сторону аскезы «юродивых во Христе», с их веригами и «антиповедением», а внутреннее юродство мысли, находящее выход в поведении в той степени, какую диктует русская традиция религиозных исканий». Главным в духовном юродстве, по мнению философа, является «попытка «снять» мучительный разрыв между проповедью и образом жизни (словом и поступком, высказыванием и жестом)» <...>, на основании которой «поступок приравнивается к высказыванию» [2].

«Юродивый» интеллигент А. Д. Сахаров, так же как и его далекий «интеллигентный» предшественник юродивый Христа ради, поверяя себя высшим эталоном – Богом-Совестью, соотносит с ним свои мысли и поступки, готов к самоотречению и идет на него, «принимает огонь на себя». В данном случае человеком движет максимальная, недоступная и непонятная большинству, степень ответственности за происходящее в мире, за каждого человека, сотворенного по образу и подобию Божию. Так, Л. Чуковская вспоминала об академике Сахарове:

Окруженный людьми, он наедине с самим собой, решает некую математическую, философскую, нравственную или общемировую задачу и, размышляя, задумывается глубже всего о судьбе каждого конкретного, отдельного человека. <...> Подумать только, в стране, где любой человек ценился не дороже мухи! Да еще хорошо, если как муху – хлоп и нету! А то еще попадет в руки мальчишке, которому доставляет удовольствие, прежде чем хлопнуть, оборвать ей крылышки и лапки – в этой стране и во всех странах мира потребовать отмены смертной казни и напомнить о каждом человеке: осторожнее! бьется! Сомневаюсь, чтобы Андрей Дмитриевич читал рассказ Зощенко, но при всяком несправедном насилии над человеком взывал к властям и миру: осторожнее! бьется! [11].

Ответственность высшей пробы, на которую «обречены» интеллигент и юродивый, определяет их исключительный статус. Знаменательно в связи с этим, что свою историческую речь на закрытии Второго съезда Советов А. Д. Сахаров предварил словами: «Мое положение все-таки несколько исключительное. Я отдаю в этом себе

отчет и чувствую на себе ответственность». Именно это «естественное чувство жизненных несовершенств и инстинктивное к ним отвращение» вынуждало советского академика стать во главе правозащитного движения в СССР, основать «Московский Комитет прав человека», обратиться с «Памятной запиской» к советскому правительству, выступить с рядом заявлений против ввода советских войск в Афганистан и пр. Именно эта исключительность положения, обусловленная высочайшей степенью личной ответственности «за все и за всех», вызывает по отношению к «выскочке» и одиночке (интеллигенту-юродивому) резко-отрицательные чувства в «агрессивно-послушном большинстве». Вспомним хотя бы горестно известные выступления Сахарова на упомянутом съезде, которые зачастую сопровождались со стороны части депутатов «захлопыванием», выкриками из зала, свистом (сравним с аналогичными действиями по отношению к юродивому: «Прият блаженный Прокопий многу досаду, и укорение, и биение, и пхание от безумных человек» [7:87]). Истинных интеллигентов не зря называют инакомыслящими. Они не только мыслят нестандартно, но и во всемирные, не вписывающиеся в систему.

Эти феноменологические особенности определяют сущностные характеристики как интеллигента, так и юродивого, чем и объясняется возможность появления следующих высказываний:

«Юродивый, скоморох – вот «интеллигент» на Руси в доуниверситетскую пору» (Л. Аннинский, «Руки творца»); «Юродивый – он за всех нас, он что-то делает такое, на что у нас не хватает пороха, силы, любви, любви к истине, любви к свободе, любви всеческой вообще. Вообще, юродивый... Его не интересуют практические задачи. Его интересует только одно – истина, ну, как он ее понимает» (Л. Улицкая, фильм «Юродивые»); «А сколько всяких окаянных интеллигентов, неприкаянных студентов, разных чудаков, правдоискателей и юродивых, от которых еще Петр I тщился очистить Русь и которые всегда мешают стройному строгому Режиму?» (А. И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»).

Семантический ряд *интеллигент – неприкаянный – чудаков – правдоискатель – юродивый* выстраивается благодаря дискурсивной аттракции. Так, интеллигенты ратуют за других, за общественное благо, истину, «воплощают» совесть народа. Неприкаянные студенты, чудаки осознаются как странные люди, чудаковатость которых, как правило, сопряжена с отсутствием в их поведенческой мотивации того, что в обычном дискурсе определяется в качестве здравого смысла. Впрочем, это в равной степени ха-

рактерно и для правдоискателей, которые в поисках высшей правды/истины в восприятии обывателя являются теми же чудаками. Юродивые в этом ряду вполне закономерно предстают как 'чудаки', являясь в то же время 'проводниками высшей правды', '«воплощенной совестью»'. Отметим, что общей чертой, объединяющей эти социальные типы, оказывается их «невписываемость» в систему социальных стереотипов, их своеобразная инородность. Такая инородность предопределяется ориентацией этих людей на иные сферы бытия. Ср. :

Первым фантастом оказался господь Бог. Новые фантасты: пророки, апостолы, великомученики и святые, бродяги-трубадуры, юродивые, бабки-сказочницы, ученые, журналисты, писатели... (А. Шалимов, «Брефанид»).

В данном случае важной оказывается связь со сферой идеального, установка на идеал, на то, «что должно быть, а не на то, что есть», определяемая в некоторых случаях природой вымысла, фантазии. Если для пророков, апостолов, великомучеников, святых, юродивых идеальное – это Бог, его правда, то для трубадуров – любовь; для бабок-сказочниц, писателей – сочинительство – творчество; для ученых – истина; для журналистов – правда. В подобном соположении юродивый в итоге предстает как 'идеалист', 'мечтатель', 'творец'.

В логике культуро- и литературоцентричного «интеллигентского» дискурса ряд сопоставлений для юродивого-интеллигента расширяется. Ср.:

Ведь это всегда странно – откуда вдруг возникают Дон Кихоты, Святые, Юродивые, почему человек вдруг без видимых, да и невидимых толчков становится революционером, обрекает себя на путь борьбы и невзгод? Бывает воля обстоятельств, среды, но бывает, и часто, что-то заложенное, запрограммированное, то самое, что в старину означалось словом – судьба (Д. Гранин, «Эта странная жизнь»).

В более широком контексте отмечается, что главной чертой Дон Кихотов, Святых, Юродивых, революционеров является служение абсолюту, идеалу, способность к максимальной самоотдаче в этом служении. Их характеризуют «огромные душевные усилия», «воля», «силы для одинокого пути», «дух противостояния», «борьба и невзгоды». Характер авторской интерпретации показывает, что в этом контексте актуализируются такие семантические компоненты слова *юродивый*: 'идеализм', 'борец', 'дух противостояния', 'одиночество', 'душевные усилия', 'воля'. Этот ряд контекстуальных смыслов расширяют следующие примеры:

Творят жизнь люди веры. Это те, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми, – они же пророки, истинно лучшие люди и вожди человечества (В. С. Соловьев, «Три речи в память Достоевского»).

Отметим, что устремления мечтателей и утопистов к лучшему будущему как бы изначально обречены в силу того, что любая мечта, любая теория совершеннее своего осуществления. Вместе с тем юродивый не просто мечтает, он пытается активно изменять действительность. Мечтателями, утопистами, юродивыми оказываются те, кому дано, мечтая, прорицать, предугадывать будущее и, видя перспективу, вести за собой. Не случайно в этом же ряду появляются вожди. Юродивый в некотором смысле и есть духовный вождь. Любое движение – это изменение реальности, несмотря на то, что результаты иногда бывают непредсказуемыми. В итоге этот ряд актуализирует в слове *юродивый* семантические составляющие 'человек веры', 'идеалист', 'утопист', 'пророк', 'вождь'.

Семы 'идеалист' и 'вождь' проецируются на значение слова *юродивый* в таком сочетательном ряду: «железные герои, вожди революций и войн, чудаки, не от мира сего, юродивые». Ср. :

Это когда идеалистическое восприятие действительности возведено в принцип <...>. Из таких натур вырастают железные герои и вожди революций и войн. Но в обычной жизни это чаще всего чудаки, не от мира сего, юродивые, над которыми все смеются и которых никто не воспринимает всерьез (Л. Разумовская, «Дорогая Елена Сергеевна»).

Кроме того, в этом контексте акцентированы также 'неотмирность', 'чудаковатость' определенного типа людей.

На основании лексической и дискурсивной аттракции формируются различные комбинации актуализированных смыслов. Некоторые из них порождают мнения о соприродности «юродивого» и «интеллигента»:

А наши интеллигентские юроды от либерализма страной править пролезли, идолищ своих поганых в общественном сознании понаставили»; «Как и положено всякому русскому Интеллигенту, блаженненький А. Д. (А. Д. Сахаров – прим. наше. – Е. М.) был еще и с изрядной придурью (за чужой счет, как у интеллигентов водится) [1].

Очевидна не только взаимосвязь «интеллигентского» и «юродивого», но и традиционно амбивалентная оценка представлений о них:

Также меня порадовало, что очевидная «придурковатость» акад. Сахарова Вами при-

знается, но Вы склонны списывать очевидную Сахаровскую дурь на героизм-юрродство [1].

Выделяя устойчивые представления о самом юродивом, констатируем их относительную неизменность во времени, что подтверждается многими современными контекстами. Сущностные характеристики блаженного относятся и к интеллигенту в нашем понимании: парадоксальность подвига, создающая его привлекательность; способность и право на нелегитимную правду; дерзость; пророческий дар; предвидение; «слезоточивый дар» о грехах всего мира; провокативность; «самый тяжелый путь спасения»; маргинальность. Относительными характеристиками, изменяющимися (изменившимися) в зависимости от времени и социальных условий являются: невозможность обидеть/обижаться на юродивого; его неприкосновенность; низкое положение в социальной иерархии; смех юродивого; непереносимые легенды о юродстве; изначальные представления о юродстве как о «мужском подвиге».

На несомненную близость рассматриваемых феноменов указывает и А. М. Панченко: «Среди юродивых были не только душевно здоровые, но и интеллигентные люди. Парадоксальное на первый взгляд сочетание этих слов – «юрродство» и «интеллигентность» – не должно нас смущать. Юродство действительно могло быть одной из форм интеллигентного и интеллектуального критицизма» [7:80].

Итак, выделение «интеллигентского» дискурса стало возможным благодаря соприродности «интеллигентского» и «юрродского» типов сознания, что выражается в «духовном юродстве», «внутреннем юродстве мысли». Перед нами форма интеллигентного и интеллектуального критицизма, ориентированная на Бога либо Совесть, направленная на активное переделывание действительности во имя общечеловеческого благоденствия, во имя искоренения жизненных несовершенств, традиционно оцениваемая двойственно. Это позволяет ввести акмеологически значимую дискурсивную трихотомию: религиозный/ интеллигентский/обыденный дискурсы юродства. Все эти дискурсы представлены как в традиционных, так и в новых формах культурного сознания.

В «интеллигентском» дискурсе концептуальные смыслы Ю пересекаются со смыслами Интеллигентность, что выявляется в общих семантических компонентах: «чудак», «чудаковатый», «проводник высшей правды», «воплощенная совесть», «инородный», «идеалист», «мечтатель», «творец», «борец», «дух противостояния», «одиночество», «душевные усилия», «воля», «человек веры», «утопист», «пророк», «вождь», «неотмирный».

В перспективе исследования видится осмысление КЮ в художественном, философском, публицистическом, Интернет- и обыденном дискурсах.

Литература

1. «Акад. Сахаров как Святой и Великомученик». — Nationalism.org — 14.08.2001. — Пионер [Эл. ресурс] // Режим доступа : <http://www.nationalism.org/pioneer/saharov.htm>. — Загл. с экрана.
2. Исупов К. Г. Чары троянского наследия: Лев Толстой в пространствах приязни и неприязни [Эл. ресурс] // Режим доступа : <http://russianway.rchgi.spb.ru/Tolstoy/isupov.html>. — Загл. с экрана.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: Свыше 25 000 слов и словосочетаний. — М. : «Эксмо», 2007. — 944 с.
4. Лосев А. Ф. Дерзание духа. — М. : Политиздат, 1988. — 367 с. : ил. — (Личность. Мораль. Воспитание).
5. Маслий Е. В. Некоторые типологические черты образа юродивого и их реализация в русских народных сказках // Вісник ХНУ: Сер. Філологія. — Х., 2005. — Вип. 46. — № 707. — С. 116—120.
6. Маслий Е. В. Концептуальные смыслы юродство в религиозном дискурсе // Вісник ХНУ: Сер. Філологія. — Х., 2009. — Вип. 58. — № 873— С. 44—49.
7. Панченко А. М. Смех как зрелище // Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. Смех в Древней Руси. — Л. : Наука, 1984. — С. 72—153 : ил. — Библиогр. : в подстроч. примечаниях.
8. Сало Д. С. Специфика текстуальности обрядового текста (на материале свадебного обряда) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. — № 765. Серія Філологія. — Вип. 50. — Харків, 2007. — С. 24—28.
9. Складаревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам — Сеул, 2001. — № 6. — С. 177—202 [Эл. ресурс] // Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm>. — Загл. с экрана.
10. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — Изд-е 3-е, испр. и доп. — М. : Академический Проект, 2004. — 992 с.
11. Л. Чуковская «Мощь одинокой тишины». — ИС : Апрель, № 10. — ДТ : 1998 [Эл. ресурс] // Режим доступа : <http://www.chukfamily.ru/Lidia/Publ/saharov.htm> — Загл. с экрана.

12. Шилков Ю. М. О природе фикционального дискурса // Я. (А. Слинин) и МЫ : к 70-летию профессора Я. А. Слинина. — СПб. : Санкт-Петербургское философское общество: Серия Мыслители, 2002. — Выпуск X [Эл. ресурс] // Режим доступа : <http://anthropology.ru/ru/texts/shilkov/slinin.html>. — Загл. с экрана.

13. Эпштейн М. Русская культура на распутье. — Гл. 8. Апофатизм [Эл. ресурс] // Режим доступа : <http://www.emory.edu/INTELNET/cr8.html>. — Загл. с экрана.